

К/55 ГЕНРИХ ГЕЙНЕ
1846

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

■ ■ ■
БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 8
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
МОСКВА—1941

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

К 55
1846

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
АЛЕКСАНДРА ДЕЙЧА

Издательство „Правда“
Москва — 1941

41-13568

Отв. редактор Е. ПЕТРОВ

Издательство „Правда“	Изд. № 176	
А 36112	Заказ 412.	Тираж 50 000.
Статформ. А—105×148 мм	1/3 п. л.	Кол. зн. в 1 п. л. 43.200.
Цена 20 коп.	Подп. к печ. 14/II 1941 г.	
Тип. газ. „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.		

ПРОЛОГ

Я в старом сказочном лесу!
Как пахнет липовым цветом!
Чарует месяц душу мне
Каким-то странным светом.

Иду, иду,— и с вышины
Ко мне несется пенье.

КНИГА ИМЕЕТ:

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служеб. №№	№№ списка и в порядке	1952 г.
3						87 61	900	3

Фак. 323

ПРОЛОГ

Я в старом сказочном лесу!
Как пахнет липовым цветом!
Чарует месяц душу мне
Каким-то странным светом.

Иду, иду,— и с вышины
Ко мне несется пенье.
То соловей поет любовь,
Поет любви мученье.

Любовь, мучение любви,
В той песне смех и слезы,
И радость печальна, и скорбь светла,
Проснулись забытые грезы.

Иду, иду,— широкий луг
Открылся предо мною,
И замок высится на нем
Огромною стеною.

Закрыты окна, и везде
Могильное молчанье;

Статформ. А—100,

Цена 20 коп.

Тип. газ. „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“.

Так тихо, будто вселилась смерть
В заброшенное зданье.

И у ворот разлегся Сфинкс,
Смесь вожделенья и гнева,
И тело, и лапы — как у льва,
Лицом и грудью — дева.

Прекрасный образ! Пламенел
Безумием взор бесцветный;
Манил извив застывших губ
Улыбкой едва заметной.

Пел соловей, — и у меня
К борьбе не стало силы, —
И я безвозвратно погиб в тот миг,
Целуя образ милый.

Холодный мрамор стал живым,
Проникся стоном камень, —
Он с жадной алчностью впивал
Моих лобзаний пламень.

Он чуть не выпил душу мне!
Насытись до предела,
Меня он обнял, — и когти льва
Вонзились в бедное тело.

Блаженная пытка и сладкая боль!
Та боль, как страсть, беспредельна!

Пока в поцелуях блаженствует рот,
Те когти изранят смертельно.

Пел соловей: «Прекрасный Сфинкс!
Любовь! О, любовь! За что ты
Мешаешь с пыткой огневой
Всегда твои щедроты?

О, разреши, прекрасный Сфинкс,
Мне тайну загадки этой!
Я думал много тысяч лет
И не нашел ответа».

(Ал. Блок)

СОН И ЖИЗНЬ

Пылало сердце, звенела весна.
Печальный, угрюмый, бродил я без сна.
И в теплую полночь случайно забрел
К расцветшей розе в таинственный дол.

И к ней подошел я в безмолвной тоске,
Катилась тихо слеза по щеке.
И я заглянул в раскрытый цветок,
Там что-то светилось, мерцал огонек.

И ласковый сон, шаловливо дразня,
Близ розы тотчас убаюкал меня,

И юную девушку я увидал,
Вкруг девушки розовый флер трепетал.

И что-то чудесное, все в золотом,
Она мне дала и ввела меня в дом,
А дом золотой, разукрашенный зал,
Там странный и юркий народец плясал.

Двенадцать нарядных танцоров гуськом
В размеренном танце вертелись кругом.
Чуть кончится танец — начнется другой,
И столько же длится, и точно такой.

А музыка пела, все пела одно:
«Нам только на миг блаженство дано,
И жизнь твоя — сон, и счастье — лишь сон,
И этот миг — во сне твоём сон».

Но сон мой растаял, почуяв зарю,
Раскрыл я глаза и на розу смотрю,
И что ж — погасла искорка вдруг
И в розе сидит холодный жук

(В. Левик)

Стоят веками звезды,
Недвижны в лазури ночной,
И нежно друг на друга
Глядят в тоске немой.

И что-то тихо шепчут,—
Прекрасен их язык!
В нем ни один филолог
Ни слова не постиг.

Но я изучил его быстро
В тиши весенних ночей.
Грамматикой мне служили
Глаза подружки моей.

(В. Левик)

Я тебя, пеннорожденную,
Вижу в блеске красоты,
Потому что нареченною
Не моею стала ты.

Сердце многотерпеливое,
За измену не ропщи
И безумство торопливое
Милой дурочке прости.

(А. Фет)

Я все простил: простить достало сил,
Ты больше не моя, но я простил.
Он для других, алмазный этот свет,
В твоей душе ни точки светлой нет.

Не возражай! Я был с тобой во сне;
Там ночь росла в сердечной глубине,

А жадный змей все к сердцу припадал...
Ты мучишься... я знаю... я видал...

(Ин. Анненский)

Отчего утратили розы красу,
Отчего, скажи мне, дитя!
Отчего фиалки в зеленом лесу
Поникают, безмолвно грустя?

Почему так скорбно поет соловей,
Разрывая душу мою?
Почему в дыханьи лесов и полей
Запах тлена я узнаю?

Почему так сердито солнце весь день,
Так желчно глядит на поля?
Почему на всем угрюмая тень
И мрачнее могилы земля?

Почему, объясни, я и сам не пойму,
Так печален и сумрачен я,
Так жестоко — скажи мне, скажи почему
Почему ты ушла от меня?
(В. Левик)

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одета как ризой она.

И снится ей все, что в пустыне далекой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.
(М. Лермонтов)

Они меня истерзали
И сделали смерти бледней,
Одни — своей любовью,
Другие — враждою своей.

Они мне хлеб отравили,
Давали мне яду с водой,
Одни — своей любовью,
Другие — своею враждой.

Но та, от которой всех больше
Душа и донья больна,
Мне зла никогда не желала
И меня не любила она.
(А. Григорьев)

Во сне я плакал. Мне снилось,
Что пробил смертный твой час,
И я проснулся, и слезы
Катились долго из глаз.

Во сне я плакал. Мне снилось,
Что изменила ты мне,
И я проснулся, и долго
Рыдал в ночной тишине.

Во сне я плакал. Мне снилось,
Еще любим я тобой.
И я проснулся, и снова
Катятся слезы рекой.
(В. Левик)

Сырая полночь. Буря.
Деревья скрипят на ветру.
Я, в плащ закутавшись, еду
Один в глухом бору.

И мчатся мечты предо мною,
Опережают коня,—
Как будто на крыльях воздушных
К любимой уносят меня.

Собаки лают. Слуги
Спешат со свечами во двор.
Взбегаю по лестнице вихрем,
Бряцающая медью шпор.

В благоуханном покое
Мерцанье теплых огней;
И я бросаюсь в объятия
Возлюбленной моей.

А ветер свистит в деревьях,
И дуб говорит седой:
«Куда ты, глухой всадник,
С твоей безумной мечтой?»
(В. Левик)

В этой жизни слишком темной
Светлый образ был со мной.
Светлый образ помутился,
Поглощен я тьмой ночной.

Трусят маленькие дети,
Если их застигнет ночь,
Дети страхи полуночи
Громкой песней гонят прочь.

Так и я, ребенок странный,
Песнь мою пою впотьмах;
Незатейливая песня,
Но зато разгонит страх.
(А. Влок)

Не знаю, что стало со мною,
Моя печаль все сильнее.
Давно не дает мне покою
Сказанье прошлых дней.

Прохладен воздух, темнеет,
Но Рейна глубь светла.

В лучах зари пламенеет
Высокая скала.

Там девушка, песнь напевая,
Сидит на вершине крутой.
Сияет коса золотая,
И гребень горит золотой.

Сидит и поет над рекою
И волосы чешет она,
И дикой и страстной тоскою
Волшебная песня полна.

Гребец, в смятении глубоком,
Роняет весло в быстрину,
Не спорит больше с потоком,
Глядит лишь туда, в вышину.

Я знаю, волна, свирепея,
Потопит челн меж камней.
И это все Лорелея
Сделала песней своей.

(В. Левик)

Печаль, печаль в моем сердце,
А май расцветает кругом.
Стою под липой зеленой
На старом валу крепостном.

Внизу канал обводный
На солнце ярко блестит,
Мальчишка едет в лодке,
Закинул лесу — и свистит.

На том берегу пестреют
Как разноцветный узор
Дома, сады, и люди,
Луга, и коровы, и бор.

Девчонки белье полощут,
Звенят их голоса.
Бормочет мельница глухо,
Алмазы летят с колеса.

А там караульная будка
Под башней стоит у ворот
И парень в красном мундире
Шагает взад и вперед.

Своим ружьем он играет,
Горит на солнце ружье.
Вот вскинул, вот взял на мушку,—
Стреляй же в сердце мое!

(В. Левик)

Присев у рыбацкой лачуги,
Глядели в море мы.
Кругом туман вечерний
Вставал из полутьмы.

Вот огонек блестящий
На маяке зажгли,
И снова белый парус
Мы увидали вдали.

Мы толковали о бурях,
О том, как мореход
Меж радостью и страхом,
Меж небом и морем живет;

О юге, о севере снежном,
О зное дальних степей,
О странных, чуждых нравах
Чужих, далеких людей.

Над Гангом все сияет,
Гигантский лес цветет,
Пред лотосом клонит колени
Прекрасный кроткий народ.

В Лапландии грязный народец,—
Нос плоский, рост мал, жабий рот —
Сидит у огня, варит рыбу
И квакает и орет...

Задумавшись, девушки смолкли,
И мы замолчали давно.
А парус пропал во мраке,—
Стало совсем темно.

(В. Левик)

Когда я ранним утром
Мимо окна прохожу,
Я радуюсь, малютка,
Когда на тебя гляжу.

Внимателен и долог
Твой взгляд из-под темных век:
Кто ты, и чем ты болен,
Чужой, больной человек?

«Я немецкий писатель,
Известен в немецкой стране;
Расскажут тебе о лучших,
Услышишь и обо мне.

А чем я болен, малютка,—
Болеют в немецком краю;
Расскажут про худшие боли,
Услышишь и про мою».

(Ю. Тынянов)

На сером горизонте
Встают в вечерней дали
Город и темные башни —
Туманный призрак земли.

Суровый ветер гонит
Угрюмую пену вод,
Гребец мой ударом трудным
Навстречу ветру гребет.

Вечернее солнце взглянуло
В последний раз, и вновь
Открылся мне грустный город,
Где я утратил любовь.

(Р. Минкуе)

Когда лежу я в постели,
Под кровом тьмы ночной,
Твой нежный кроткий образ
Сияет предо мной.

И, лишь глаза закрою,
Дремотой унесен,
Я вижу вновь твой образ,
Прокравшийся в мой сон.

И даже утро не в силах
Развеять волшебство,
Я где-то в недрах сердца
Весь день ношу его.

(В. Левик)

Рождается жизнь, умирает,
Приходят, уходят года,
И только одна в моем сердце
Любовь не умрет никогда.

Хоть раз бы тебя увидеть
И пасть к твоим ногам,

И тихо шепнуть, умирая:
«Я вас люблю, Madame!»

(В. Левик)

Мне грезилось: грустная встала луна,
И грустные звезды мерцали,
И в город к любимой на крыльях сна
Летел я в ночные дали.

И сон меня к дому любимой привел,
Я камни ласкал на пороге,
Где легкого платья скользит подол
И милой ступают ноги.

А ночь длинна, а ночь холодна,
И холодны камни эти.
Глядит прозрачная тень из окна
В безжизненном лунном свете.

(Р. Минкуе)

Пока изливал я вам скорбь и печали,
Вы все, безнадежно зевая, молчали,
Но только я в рифмах заворковал,
Наговорили вы кучу похвал.

(В. Левик)

Ах, забудь твои печали,
Покорись, душа, судьбе!
Все вернет весна тебе,
Все, что выюги в даль умчали.

И не так ведь жизнь уныла
И ведь, право, мир хорош!
Все, душа, к чему ты льнешь,
Все люби, как встарь любила!

(В. Левик)

Милый друг мой! Ты влюблен,
Новых мук познал ты жало,
В голове твоей темней,
И светлее в сердце стало.

Милый друг мой! Ты влюблен.
Не скрывай, мне все открылось:
Пламя сердца твоего
Сквозь жилет уже пробилось.

(Саша Черный)

Они любили друг друга,
Но каждый упорно молчал;
Смотрели врагами, но каждый
В томленье любви изнывал.

Они расстались — и только
Встречались в виденьи ночном.
Давно они умерли оба,
И сами не знали о том.

(А. Фет)

Меня вы редко понимали,
И редко понимал я вас,
Но чуть мы вместе в грязь попали,
Друг друга поняли тотчас.

(В. Левик)

ANNO 1829

О, пусть я кровью изойду,
Но дайте мне простор скорей!
Мне страшно задыхаться здесь,
В проклятом мире торгашей!

С утра до ночи пьют и жрут,—
Кротовые счастье брюху впрок.
Как дырка в кружке для сирот,
Их благодетельный дух широк.

Их труд — в карманах руки греть,
Сигары модные курить.
Спокойно переварят все,
Но их-то как переварить!

Хоть на торги со всех сторон
Привозят пряности сюда,
От их душонок рыбьих тут
Смердит тухлятиной всегда.

О, лучше мерзостный порок,
Разбой, насилие, грабеж,

Чем счетоводная мораль
И добродетель сытых рож!

Эй, тучка, унеси меня,
Возьми с собой в далекий путь,
В Лапландию, иль в Африку,
Иль хоть в Штетин — куда-нибудь!

О, унеси меня! Летит...
Что тучке мудрой человек!
Над этим городом она
Пугливо ускоряет бег.

(В. Левик)

Вот май опять повеял,
Цветы зацвели и лес,
И тучки, розовея,
Плывут в синеве небес.

И соловьев раскаты
Опять звучат в листве,
И прыгают ягнята
В зеленой мураве.

Прыгать и петь не могу я,
Я лег больной в траву,
Далекий звон слежу я,
Я грежу наяву.

(А. Блок)

Зазвучали все деревья,
Птичьи гнезда зазвенели.
Кто веселый капельмейстер
В молодой лесной капелле?

То, быть может, серый чибис,
Что стоит, кивая гордо,
Иль педант, что там кукует
Так размеренно и твердо?

Или аист, что серьезно,
С важным видом дирижера,
Отбивает такт ногою
В песне радостного хора?

Нет, во мне самом укрылся
Капельмейстер окрыленный.
Он в груди стучит, ликуя —
То амур неугомонный.

(В. Левик)

«И был вначале соловей.
Он спел: «цюкют! цюкют!» и вдруг
Весной повеяло с полей,
Расцвел и сад, и лес, и луг.

Он клюнул в грудь себя, и там,
Где обagriла землю кровь,

Зарделись розы, и цветам
Запел он песню про любовь.

И счастье в птичий мир принес
Он кровью ран своих, но в год,
Когда умолкнет песня роз,
Наверно, прахом мир пойдет».

Так воробьенку воробей
Внушает мудрость, а жена
Сидит, как подобает ей,
На яйцах, важности полна.

Она — жена, хозяйка, мать,
И полон рот хлопот у ней.
Старик лишь годен обучать
Закону божьему детей.

(В. Левик)

Только платьем мимоходом
До меня коснешься ты,—
По твоим следам несутся
Сердца бурные мечты.

Обернешься ты, вперится
Глаз огромных синева,—
С перепугу за тобою
Сердце следует едва.

(А. Блок)

Ты голубыми глазами
Так нежно следишь за мной,
А я молчу и мечтаю,
Тобою полон одной.

Твои глаза голубые
Я помню и ночью и днем.
Как море, мечты голубые
Волнуются в сердце моем.

(В. Левик)

Гуляю меж цветами
И сам цвести могу;
Как сонный, спотыкаюсь
Почти на каждом шагу.

Держи меня, голубка!
Пожалуй, с пьяных глаз
К твоим ногам свалюсь я,—
А в саду ведь народ как раз.

(А. Блок)

Как луна дрожит на лоне
Моря, полного тревогой,
А сама, ясна, спокойна,
Голубой идет дорогой,—

Так, любимая, спокойна
И ясна твоя дорога,

Но дрожит твой образ в сердце,
Потому что в нем тревога.

(А. Блок)

Альянс священный прочно
Связал нам теперь сердца;
Прижавшись тесно, друг друга
Постигли они до конца.

Ах, жаль, что юной розой
Украсила ты грудь, —
Союзница бедная наша
Едва могла вздохнуть.

(А. Блок)

Бродят звезды-златоножки,
Чуть дыша, скользят вдали,
Чтоб в объятьях ночи темной
Не встревожить сон земли.

Лес зеленый молча внемлет,
Что ни листик — то ушко!
Холм уснул и, будто руку,
Тень откинул далеко.

Тсс!.. Какой-то звук... и эхо
Отдалось в душе моей.
Был ли то любимой голос
Или только соловей?

(В. Левик)

На пустынный берег моря
Ночь легла. Шумит прибой.
Месяц выглянул, и робко
Шепчут волны меж собой:

«Этот странный незнакомец —
Что он, глуп или влюблен?
То ликует и смеется,
То грустит и плачет он».

И лукаво улыбаясь,
Молвит месяц им в ответ:
«Он и глупый, и влюбленный,
И к тому же он поэт».

(В. Левик)

Небо серо и дождливо,
Город жалкий, безобразный,
Равнодушно и сонливо
Отраженный Эльбой грязной.

Все — как прежде. Глупость — та же.
Те же люди с постной миной,
Всюду ханжество на страже
С той же спесью петушиной.

Юг мой! Я зачах в разлуке
С небом солнечным, с богами,

В этой сырости и скуке,
В человеческом бедламе.
(В. Левик)

ЖЕННИ

Тебе пятнадцать лет минуло,
Мне тридцать пять, и я влюблен...
О Женни, на тебя гляжу я,
Припоминая старый сон!

Я встретил девушку когда-то
Прелестную, ее черты
С твоими схожи, и она-то
Носила волосы, как ты.

Готовясь к университету,
На время бросил я ее,
И мне тогда она сказала:
«В тебе все счастье мое!»

Уже три года, как Пандекты
Я изучал, но в мае вдруг
Услышал в Геттингене новость,
Что обручен давно мой друг.

То было в мае... Птицы пели,
Весна смеялась на полях,
И солнцу радовался каждый
Червяк на травах и цветах.

А я, болезненный и бледный,
Бродил в отчаяньи, без сил...
Один господь про то лишь знает,
Что в эту ночь я пережил.

Но все прошло. Мое здоровье
Окрепло. Вновь я исцелен.
О Женни, на тебя гляжу я,
Припоминая старый сон!
(М. Сандомирский)

Какую выбрать мне? В обеих
Влюбиться можно не шутя.
И мать красавица бесспорно,
И дочь — прелестное дитя.

Как восхитительна невинность!
Но теплота, но нежность глаз,
Которым так понятны чувства,
Всегда волнующие нас!

И сердце все решить не может —
Так серый друг попал в беду:
И он меж двух охапок сена
Не знал, с какой начать еду.
(В. Левик)

ТРАГЕДИЯ

1

Бежим, ты будешь мне женой,
Мы отдохнем в краю чужом.
В моей любви ты обретешь
И родину и отчий дом.

А не пойдешь, я здесь умру,
И ты останешься одна.
И будет отчий дом чужим,
Как чуждадельная страна.

2

(Это подлинная народная песня, и я ее слышал на Рейне)

Дохнула стужей весенняя ночь,
Дохнула на голубые цветы,
Они увяли, погибли.

Веселый парень подружку любил,
Ее тайком из дома увез,
Ни мать, ни отец и не знали.

Их горькая доля по свету гнала,
Их злая мачеха жизнь извела,
Нужда иссушила, сгубила.

3

И липа цветет над их могилой,
И свищет птица да ветер унылый,
А под шатром зеленых ветвей
Сидит сын мельника с милой своей.

И птица так нежно и грустно щебечет
А ветер так тихо и странно лепечет.
Любовники молча внемлют ему
И плачут — и все не поймут почему
(В. Левик)

ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬД

Крепкий, черный, челн просторный
Мрачно режет лоно вол.
В нем с угрюмой, тихой думой
Стража смертная плывет.

Бледный ликом, в сне великом,
Недвижим лежит поэт.
Голубые, как живые,
Смотрят очи в горний свет.

Словно жалкий клич русалки,
Звонко стонет глубина.
Это волны, скорбью полны,
Мерно плещут вокруг челна.

(М. Лозинский)

ДОКТРИНА

Стучи в барабан и не бойся,
Целуй маркитантку под стук;
Вся мудрость житейская в этом,
Весь смысл глубочайших наук.

Буди барабаном уснувших,
Тревогу без устали бей;
Вперед и вперед подвигайся —
В том тайна премудрости всей.

И Гегель и тайны науки,—
Все в этой доктрине одной;
Я понял ее, потому что
Я сам барабанщик лихой!
(Г. Шенгели)

ТОЛЬКО ПОДОЖДИТЕ

Не потому ль, что я сверкаю,
Решили вы, что я не гром?
Вы ошибаетесь, я знаю:
С громами тоже я знаком.

И только нужный день настанет,—
Я вас могу предостеречь,—
Раскатом грома голос грянет,
Ударом грозным грянет речь.

И разлетится дуб упрямый
На щепы мелкие в лесах,
И задрожат дворцы, и храмы
Тогда разрушатся во прах.
(Ал. Дейч)

ОБЕЩАНИЕ

Ты не будешь беспризорной,
О, немецкая свобода,
И в плохое время года
Без сапог ходить зазорно.

Чтоб не ежилась ты зябко
От зимы, мороза злого,
Для тебя уже готова
И с наушниками шапка.

Все к тебе так благосклонно,
Ты получишь пищи много,
Но держись лишь, ради бога,
Рамок строгого закона.

Забывай обиды быстро,
Уважать учись сызмальства
Всевозможное начальство,
Начиная с бургомистра.
(Ал. Дейч)

СИЛЕЗСКИЕ ТКАЧИ

Взор их утрюм, не блещет слезами,
Сидят у станка, скрежещут зубами.
«Германия, ткем саван твой,
Проклятье тройною ведем каймой, —
Мы ткем, мы ткем!

Проклятье богу, кому сквозь голод
Молились мы, сквозь голод и холод!
Напрасно мы ждали за часом час:
Он обманул, одурачил нас, —
Мы ткем, мы ткем!

Проклятье королю, злому владыке,
Кого не тронули наши крики,
Кто выжал из нас последний грош
И дал, как скот, повести под нож, —
Мы ткем, мы ткем!

Проклятье отечеству, родине лживой,
Где лишь позор и низость счастливы,
Где рано растоптан каждый цветок,
Где плесень точит любой росток, —
Мы ткем, мы ткем!

Станок скрипит, челноку не лень,
Мы ткем неустанно ночь и день,
Германия старая, ткем саван твой,

Проклятье тройною ведем каймой, —
Мы ткем, мы ткем!

(Г. Шенгели)

ENFANT PERDU

Забывтый часовой в войне свободы,
Я тридцать лет свой пост не покидал:
Победы я не ждал, сражаясь годы;
Что не вернусь, не уцелею, — знал.

Я день и ночь стоял, не засыпая,
Пока в палатках храбрые друзья
Все спали, громким храпом не давая
Забиться мне, хоть и вздремнул бы я.

А ночью — скука, да и страх порою:
Дурак лишь не боится ничего...
Я бойким свистом или песнью злою
Их отгонял от сердца моего.

Ружье в руках, всегда на-страже ухо.
Чуть тварь какую близко разгляжу, —
Уж не уйдет: как раз дрянное брюхо
Насквозь горячей пулей просажу.

Случалось — и такая тварь, бывало,
Прицелится и метко попадет.

Не утаю — теперь в том проку мало —
Я весь изранен, кровь моя течет.

Где ж смена? Кровь течет, слабеет тело...
Один упал, — другие подходи!
Но я не побежден: оружие цело.
Лишь сердце порвалось в моей груди.
(М. Михайлов)

ИЗБАВИТЕЛЬ

Ликуешь! Ты думаешь, Плантагенет,
У нас ни малейшей надежды нет!
А все потому, что нашлась могила,
Где имя Артур написано было.

Артур не умер, не скрыла земля
Угрюмым саваном труп короля.
Вчера следил я, глазам не веря,
Как он, живехонек, поднял зверя.

На нем зеленый парчевый наряд.
Смеются губы, глаза горят.
На гордых конях, по тропам дубровы
За ним летели друзья звероловы.

Его рога заглушают гром,
Трара-трара! рокочет кругом.

Чудесные гулы, волшебные громы
Сынам Корнуэля милы и знакомы.

Они говорят: не пришла пора,
Но она придет, трара-трара!
И король Артур своему народу,
Прогнав норманнов, вернет свободу.
(В. Левик)

«Да не будет он помянут!»
В лютой скорби так кричала
Эстер Вольф, и речь старухи
Крепко в сердце мне запала.

Да о нем сотрется память,
Да во мрак забвенья канут
Все преданья о проклятом,
Да не будет он помянут!

Сердце, сердце, плачь и сетуй,
Что в страданиях годы вянут,
Но о нем ни слова больше,
Да не будет он помянут!

Да не будет он помянут
Ни в речах, ни в книгах, братья!
Смрадный пес! Во гробе смрадном
Да сгноят тебя проклятья.

И когда фанфары гнева
В страшный день на суд господний
Сонмы грешников усопших
Воззовут из преисподней,

И пред божим престолом
Души бледные предстанут,
И прочтет архангел списки —
Да не будет он помянут!

(В. Левик)

Завидовать жизни любимцев судьбы
Смешно мне, но я поневоле
Завидовать их смерти стал,
Кончине без муки, без боли.

В роскошных одеждах, с венком на челе,
В веселье сладострастном
Средь пышных пиров умирают они,
Сраженные призраком властным.

И покидая с улыбкой мир,
До старости бодры и юны,
Нисходят в царство мертвецов
Все фавориты фортуны.

Сухотка их не извела,
У мертвых приличная мина,

Достойно вводит их в свой круг
Царевна Прозерпина.

Завидный жребий! А я семь лет
С недугом тяжким в теле,
Терзаюсь — и не могу умереть,
И корчусь в моей постели.

О, господа, пошли мне смерть,
Внемли моим рыданиям!
Ты сам ведь знаешь, у меня
Таланта нет к страданиям!

Прости, но твоя нелогичность, господь,
Приводит в изумленье:
Ты создал поэта-весельчака
И портишь ему настроенье.

От боли веселый мой нрав зачах,
Ведь я уже меланхолик.
Кончай эти шутки, не то из меня
Получится католик.

Тогда я вой подниму до небес
По обычаю добрых папистов.
Не допусти, чтоб так погиб
Умнейший из юмористов!

(В. Левик)

Брось свои иносказанья
И гипотезы святые!
На проклятые вопросы
Дай ответы нам прямые!

Отчего под ношей крестной,
Весь в крови влечится правый?
Отчего бесчестный всюду
Встречен почестью и славой?

Кто виной? Иль воле бога
На земле не все доступно?
Или он играет нами?
Это подло и преступно!

Так мы спрашиваем жадно
Целый век, пока безмолвно
Не забудут нам рта землею...
Да ответ ли это, полно?

(М. Михайлов)

Мой день был ясен. Ночь моя светла.
Всегда венчал народ мой похвалами
Мои стихи. В сердцах рождая пламя,
Огнем веселья песнь моя текла.

Цветет мой август, осень не пришла,
Но жатву снял я, хлеб лежит скирдами.
И что ж, покинуть мир с его дарами,
Покинуть все, чем эта жизнь мила?

Рука дрожит. Ей лира изменила,
Ей не поднять бокала золотого,
Откуда прежде пил я своевольно.

О, как страшна, как мерзостна могила!
Как сладостен уют гнезда земного!
И как расстаться горестно и больно!

(В. Левик)

ПРИМЕЧАНИЯ

В этот сборник лирики Гейне вошли стихи, написанные в различные периоды его творчества, начиная от ранних, составляющих первые разделы «Книги Песен», и кончая посмертными.

Мы старались дать в этой книжке и любовную лирику Гейне, и образцы его политической сатиры. Несмотря на различие в сюжетах и материале этих двух родов поэзии Гейне, между ними есть нечто общее. Это объясняется тем, что Гейне был не только блестящим художником, но и политическим деятелем. Через все его творчество прошло стремление осмыслить действительность. Гейне не бежит от противоречий современной ему жизни и не отворачивается от нее в поисках эстетической гармонии. Поэт переходной поры, он был «последним королем царства романтики» и вместе с тем — «романтиком-расстригой».

Гейне начал свою деятельность в беспросветное время европейской реакции, и ему пришлось вступить в борьбу с темными силами. Главным оружием в этой борьбе было остроумие, смех. Певец любви, лунного света и соловьев, пользующийся всем арсеналом романтизма, Гейне приходит на передовые посты буржуазно-демократической революционности, яростно борясь против феодального мира, против сословного неравенства, против абсолютизма.

Встреча с Марксом в 1843—1844 годах помогла Гейне выйти на путь подлинно революционной сатирической поэзии и привела к созданию таких произведений как «Силезские ткачи» и «Германия, зимняя сказка».

Правда, Гейне не мог до конца своих дней понять великого значения научного социализма, создателем которого явился его великий друг Карл Маркс. Но, сколько ни был противоречив образ Гейне, несомненно одно: великий поэт оказался гораздо прозорливее многих своих современников, узколобых буржуазных радикалов. Он не только предсказал победу пролетариата, но правильно оценил тот братский интернационализм, который заложен в основу коммунистического учения.

Последние восемь лет жизни (1848—1856) Гейне провел в тяжких страданиях, разбитый параличом, в так называемой «матрачной могиле». Но он до конца своей жизни продолжал работать, нанося сокрушительные удары феодальному и буржуазному миру.

Он жил и умер, по собственному определению, «храбрым солдатом в борьбе за освобождение человечества».

«Пролог». Этим стихотворением открывается предисловие Гейне к третьему изданию «Книги Песен» (1839). «Пролог» написан в традиционном стиле романтиков.

«Сон и жизнь». Стихотворение, по стилю подходящее к циклу «Сновидения». Финал представляет собой типичную для Гейне ироническую концовку, разрушающую романтическую патетику стихотворения.

«Стоят веками звезды». Это стихотворение и последующие взяты из цикла стихов «Лирическое интермеццо». Гейне охарактеризовал этот цикл как собрание «юмористических песен в народном духе». Основная тема — неразделенная любовь поэта к двоюродной сестре Амалии Гейне, дочери гамбургского бан-

кира Соломона Гейне, от которого поэт находился в денежной зависимости.

«Я тебя, пеннорожденную». Написано вскоре после выхода замуж Амалии Гейне (1821). «Пеннорожденная» — греческий эпитет Афродиты (Венеры), богини красоты, по преданию вышедшей из морской пены.

«Они меня истерзали». Намек на сплетни и пересуды, в атмосфере которых находился Гейне, живя некоторое время в Гамбурге в семье дяди Соломона Гейне.

«В этой жизни слишком темной». Это стихотворение открывает цикл стихов «Возвращение». Это название объясняется тем, что Гейне в 1823 году возвратился в родительский дом, в Люнебург.

«Не знаю, что стало со мною». Одно из известнейших стихотворений Гейне, вошедшее в различные хрестоматии под названием «Лорелея». Гейне разработал легенду о водяной фее Рейна в духе современных ему романтиков, но превратил Лорелею в символ всепоглощающей любви.

«На сером горизонте». Город с башнями, тонущий в закатном тумане. — Гамбург, оставленный поэтом весной 1821 года, — «колыбель несчастной любви» к Амалии.

«Милый друг». Финал — типичная для Гейне ироническая концовка.

«Аппо 1829» — «Год 1829». Написано под влиянием удушливой атмосферы Гамбурга, где Гейне находился в названном году.

«Вот май опять повеял». Стихотворение из цикла «Новая весна». Следующие десять стихотворений — из того же отдела.

«И был в начале соловей». Явная пародия на христианскую легенду о Христе, искупившем грехи мира.

«Альянс священный». Другими словами — Священный союз. Намек на политическое соглашение, заключенное в 1815 году в Париже после победы над Наполеоном русским царем Александром I, австрийским императором Францом I и прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III. Священный союз явился оплотом европейской реакции.

«Небо серо и дождливо». Город, отраженный Эльбой, — ненавистный поэту Гамбург.

«Жених». Стихотворение, носящее автобиографический характер. Смешивая вымысел с действительностью, Гейне рассказывает о перипетиях своей любви к двоюродной сестре Амалии, — «Я встретил девушку когда-то...» В подлиннике сказано: в 1817 году. В письме к другу Лаубе Гейне писал: «Естественность здесь возведена в карикатуру, я это чувствую; это была попытка ввести в стихотворение числа и даты».

«Какую выбрать мне?» «Серый друг» — осел. Гейне имеет в виду так называемого Буриданова осла, который, колеблясь между двумя одинаковыми охаживаемыми сена, должен был бы умереть с голоду, если бы не обладал свободой воли. Пример, приводимый средневековым французским схоластом Жаном Буриданом.

«Чайльд-Гарольд». Написано в 1824 г. на смерть английского поэта Байрона. Байрон умер 19 апреля 1824 года в Греции, и прах его был перевезен в Англию. «Чайльд-Гарольд» — поэма Байрона, названная по имени героя.

«Доктрина». Стихотворение, открывающее отдел «Современные стихи». Большинство этих стихов написано в сороковых годах, в то время, когда Маркс, сблизившись с Гейне, учил поэта «писать по-настоящему, кнутом». «Доктрина» — программное стихотворение Гейне — «барабанщика революции».

«Силезские ткачи». Это знаменитое стихотворение Гейне создал под непосредственным впечатлением

от восстания силезских ткачей в июне 1844 года. Гейне справедливо увидел в пролетариях могильщиков старого мира.

«Enfant perdu». «Потерянное дитя». Гейне подводит этим стихотворением итоги своей тридцатилетней художественно-политической деятельности.

«Избавитель». Образец баллады Гейне. Плантагенет — английский король Генрих II (1133—1189). Артур — национальный герой древних бриттов. По старинному преданию, он не умер, а перенесен феями на дальний остров и вернется, чтобы освободить народ от владычества норманнов.

«Да не будет он помянут». Стихотворение, направленное против дяди поэта, Соломона Гейне, который умер в 1844 году. Гейне пришлось вести тяжелый и длительный спор о наследстве с Карлом Гейне, двоюродным братом.

«Завидовать жизни любимцев судьбы». Это стихотворение и дальнейшие — лирика Гейне последних лет, когда поэт был уже полутрупом, лежащим в «матрачной могиле». В этой лирике отражается резкая смена настроений Гейне. Поэт то хочет скорее умереть, до того невыносимы мучения, то с лихорадочной жадностью хватается за жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Пролог	3
Сон и жизнь	5
Стоят веками звезды	6
Я тебя, пеннорожденную	7
Я все простил	7
Отчего утратили розы красу	8
На севере диком стоит одиноко	8
Они меня истерзали	9
Во сне я плакал	9
Сырая полночь	10
В этой жизни слишком темной	11
Не знаю, что стало со мною	11
Печаль, печаль в моем сердце	12
Присев у рыбацкой лачуги	13
Когда я ранним утром	15
На сером горизонте	15
Когда лежу я в постели	16